

ЗАМѢТКИ КЪ БІОГРАФІИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

I.

Въ воспоминаніяхъ князя А. В. Мещерскаго (Р. Арх. 1900 г. LX, 80—81) сообщается, что у Лермонтова было въ Малороссіи имѣніе, и видно, что онъ нерѣдко даже бывалъ тамъ, ибо хорошо говорилъ по малороссійски и неподражаемо умѣлъ разсказывать Малороссійскіе анекдоты. Гдѣ было это имѣніе? Положительно отвѣчать на этотъ вопросъ я не могу; но вотъ что сохранила мнѣ память изъ временъ моего дѣтства.

Верстахъ въ 7 отъ моего родного села Смоши находится значительное мѣстечко Переволочно (Полтавской губ., Прилудскаго уѣзда) на р. Удаѣ. Почти при самомъ выѣздѣ въ мѣстечко, по Роменской дорогѣ, расположена прекрасная усадьба, въ которой домъ, впрочемъ, построенъ или перестроенъ позднѣйшимъ владѣльцемъ и сохранился весьма старинный тѣнистый садъ. Усадьба эта, а также извѣстное число крестьянъ и десятинъ земли, принадлежала Арсеньевымъ, и я хорошо помню разсказы, что сюда наѣзжала нѣкогда очень важная старая барыня, Арсеньева же; и это относится къ 30—40 годамъ. Весьма соблазнительно думать, что именно здѣсь было имѣніе, о которомъ упоминаетъ князь А. В. Мещерскій, не Лермонтова, конечно, а его бабушки, которой онъ былъ единственнымъ прямымъ наследникомъ.

Правда, какихъ либо преданій о пребываніи Лермонтова въ нашихъ краяхъ слышать мнѣ не приходилось; но не было такихъ преданій и о проѣздѣ Пушкина черезъ г. Прилудку по дорогѣ изъ Одессы въ Михайловское, и о пребываніи его въ д. Верескунахъ, имѣніи Н. И. Величка (подъ м. Ичнею), а между тѣмъ онъ тамъ былъ. Вѣроятно, Лермонтовъ ѣзжалъ въ Малороссію съ своею бабушкою.

Я, впрочемъ, помню Переволочанское имѣніе уже во владѣніи Р. Н. Милорадовича, который купилъ его у наследниковъ Арсеньевой; потомъ оно перешло къ его сыну—Н. Р. Милорадовичу, довольно долго бывшему Прилудскимъ предводителемъ дворянства, а теперь принадлежитъ одному изъ его братьевъ.

Такъ какъ въ церкви м. Переволочны, вѣроятно, сохранились какіе нибудь документы, относящіеся къ 30—40-мъ годамъ, то мое предположеніе во всякомъ случаѣ могло бы быть проверено.

II.

Хотятъ сообщить, что верстахъ въ 20 отъ Переволочны, въ томъ же уѣздѣ, въ м. Срѣбномъ, находилось небольшое имѣніе лица, сыгравшаго нѣкоторую роль въ жизни Лермонтова и, между прочимъ, сдѣлавшаго перья

распоряженія послѣ его безвременной смерти—Антоня Карловича Зельлица. Это былъ заслуженный офицеръ, хотя и не богатый, но пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Онъ былъ очень веселаго характера, постоянно шутилъ, любилъ острить, говорилъ очень громко, почти кричалъ. Умеръ онъ давно; но я хорошо его помню, тѣмъ болѣе что мои родители были въ свойствѣ съ нимъ, и мы часто посѣщали знаменитое по красотѣ мѣстоположенія м. Срѣбное.

III.

На стр. 82 князь А. В. Мещерскій пишетъ, что онъ сидѣлъ „подъ зеленымъ дубомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ (Лермонтовъ) простился съ жизнью“, т. е. по всей вѣроятности на мѣстѣ роковой дуэли, такъ какъ Лермонтовъ былъ убитъ наповаль. Между тѣмъ въ настоящее время показываютъ мѣсто дуэли, обозначенное двумя камнями, на косогорѣ, вдали отъ деревьевъ, при чемъ однако сомнѣваются, что оно опредѣлено правильно. Возможно, конечно, что зеленые дубы, когда-то здѣсь росли, вырублены; а видъ съ этого мѣста дѣйствительно соответствуетъ тому, о которомъ говоритъ князь Мещерскій.

IV.

Когда я учился въ Кіевѣ, я встрѣчалъ на улицахъ немолодого, но все еще красиваго, статнаго офицера, въ Черкесскомъ платьѣ. Это былъ Н. С. Мартыновъ. Когда онъ проходилъ мимо кого либо, кто его еще не зналъ, тому шопотомъ называли его, указывали и пр.; словомъ, это была одна изъ достопримѣчательностей Кіева (о чемъ, впрочемъ, уже сообщилъ раньше Н. С. Лѣсковъ, тоже учившійся въ Кіевѣ, въ одномъ изъ своихъ воспоминаній). Мартыновъ обыкновенно ходилъ съ какой-то дамой, не очень молодой, небольшого роста и достаточно черноватой; при нихъ было двое дѣтей. Объ этомъ тоже ходили какіе-то разговоры. Жилъ онъ въ сохранившемъ и до сихъ поръ свой видъ домѣ Калиты, противъ золотыхъ воротъ. Кстати, передамъ объ одномъ случаѣ съ Мартыновымъ; о томъ разсказалъ мнѣ мой отецъ, который, кажется, самъ даже былъ свидѣтелемъ этого случая. Послѣ обѣдни въ церкви Кіево-Печерской Лавры, митрополитъ Филаретъ вышелъ съ грестомъ, къ которому всѣ стали прикладываться. Мартыновъ, передъ тѣмъ разговаривавшій съ дамами, подошелъ за ними ко кресту и, наскоро продѣлавъ подобіе крестнаго знаменія, хотѣлъ, въ свою очередь, поцѣловать крестъ. Не такъ! громко замѣтилъ ему митрополитъ. Мартыновъ сконфузился, правильно, но очень скоро перекрестился и снова склонился ко кресту. Не такъ! снова сказалъ митрополитъ и прибавилъ: Спаситель заповѣдалъ намъ креститься такимъ образомъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. При этомъ митрополитъ весьма истоиво перекрестился. Мартыновъ въ свою очередь такъ же истоиво прочелъ молитву и перекрестился. Тогда святитель, глубоко вздохнуль, сказалъ „такъ“, далъ поцѣловать крестъ и удалился въ алтарь.

Объ этомъ случаѣ долго шумѣлъ въ то время весь Кіевъ.

V.

Епископъ Неофигъ, въ мѣрѣ Н. В. Неводчиковъ, секретарь у извѣстнаго А. С. Стурдзы, рассказывалъ мнѣ, съ его словъ, что, когда тѣло Лермонтова перевезено было въ Тарханы, какой-то мѣстный семинаристъ произнесъ на могилѣ его собственные стихи, неуклюжіе какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Не повезло Лермонтову и въ другомъ случаѣ: въ такъ называемомъ Лермонтовскомъ гротѣ въ Пятигорскѣ находятся тоже чьи-то ужасные стихи, посвященные его памяти.

VI.

Дядя мой А. К. Крыжицкій не разъ декламировалъ стихотвореніе, какъ дьяволъ создалъ губернскаго секретаря, и приписывалъ эти стихи Лермонтову. Я отчасти помню это стихотвореніе и сильно сомнѣваюсь въ его принадлежности Лермонтову. Судя по слогу и фактурѣ стиха, оно скорѣе сложено въ концѣ XVIII или началѣ XIX в.; но все же интересно было бы получить относительно его какія либо указанія отъ знатоковъ апокрифической литературы того времени. Передаю это стихотвореніе, какъ помню, съ пропусками, иногда безъ ритма и пр.

Однажды ада царь
Въ своемъ дворцѣ сидитъ,
Цѣпями шевелитъ
И мыслить о Творцѣ:
Какъ могъ создать Онъ свѣтъ изъ ничего?
И даже создалъ Онъ и меня самого (?!).
Давай составлю человѣка,
Какого не было отъ вѣка.

Какъ создавалъ дьяволъ истуканъ человѣка, я не помню,

Чортъ что-то сунуль, дунуль, плюнуль:
Истуканъ зашевелился,
Всталъ и поклонился.

Далѣе слѣдовала ласкательная рѣчь чорта къ своему созданію, оканчивавшаяся такимъ его нареченіемъ:

Да будетъ сія тварь
Губернскій секретарь!
Секретарь головою кивнуль
И обѣ ручки протянуль,
Чтобъ взять съ него за то,
Что создалъ онъ его.

Последнихъ стиховъ я не помню, но смыслъ ихъ былъ таковъ, что разгнѣванный сатана далъ затрещину губернскому секретарю, который отъ нея перелетѣлъ на землю, отчего-де и повелись у насъ губернскіе секретари. Легко замѣтить, что въ данномъ случаѣ авторъ стихотворенія воспользовался довольно распространеннымъ бродячимъ мотивомъ.

Ал. Маркевичъ.

Одесса, 8 Октября 1900 г.